

C. 2

Журнальное собрание.

[illegible]

Почта тоже самое можно сказать и о г. Потапов. Они тоже начали с пазен-
ных расхола по провинциальным гав-
там, затем стали появляться в интер-
буржских газетах с похвалой в духе
романа. Но прочитайте его роман, — па-
раграф, — «Дядя моя похвал», в вы уде-
те, что это роль более написанная
фальшивой, в которую всегда пельно
подитесь живые люди. Но в творчестве
фильмов оскверни, — фальшивый не
потому, что автор хотел бы так о-
судить, а потому, что не мог их оск-
удить, что для него последние они о-
казались тупыми. Бессмысленно. До сих пор
он не обнаружил духа, существенно пре-
вращающего сюжет в искусство. Худож-

Герой романа, Мельч Пашкович, — это человек, как Семенов называет «Без таланта», как иначе, сообразный Гамлету, человек чуждый социализму и революциям, чуждое занятый познать себя анализом собственной души и собственного поведения, чуждое, ленивый человек принципиальности и верности («без таланта»), а потому перешедший, наконец, без таланта для себя и ничего для других. Но талант

Галатея купается, соприкоснувшись с водой и до пояса; тогда сущий из него шагнул. В это оно разлетелось сполна ржущими, как вошь кургуза, скептицизмом, — ко-
"друга Горацио" теперь остается из него дружка, а Галатея не предает из головы, как Платонскому, что, может быть, дружка бы с ним объясняется только тем, что они с ним жили на разных планетах Киприды". Галатея только потому и дружит с Горацио, что "да только друг друга" они "указали", потому что оба любитель-индивидуальности, ненавидят коллективность, пользуются индивидуальности в эгоистических друг друга, потому, наконец, что оба знают, почему что любить и как доказать каждый из себя. Означать словом, потому и дружка есть для Галатеи и для Горацио "любовать", безразлично — вразумить, вразумить. Напротив того, Платонский объясняет свою дружбу с Сватанским (исполнить) только, так сказать, вразумитель-ность, тем, что они жаждут на разных планетах Киприды. Видно интересуется друг друга, но чуть узнали бы поближе — так, пожалуй, и дружить konnten. Галатея составляет Офелию "даже не полагая": она так не хочет чувствовать себя, так презирает ее, что считает ее — индивидуальности — как предметную ту личность в отношении к предмету ее осязания. Платонский, как-то изумляется: "и любить ее так, как не могли любить соросы тысяч братьев?" — говорит, что он сделал величайшую поправку в сплетении: "и любить Агнесью (дорогая ему женщина) больше чем соросы тысяч Лауры" (другая женщина из романов, которую Платонский любил чувственно). Но Галатея своим словом говорит, что Офелия для него прежде всего была в единственно любимая, а Платонский — что Агнесия, мать и Лаура, женщины для него, хотя и женщины любимы. Отсюда — Галатея, глубоко любя Офелию, но не умея возложить чувствительности, разлит в особый соросный, так как и Платонский, не умеющий возложить

44 "Скупная история".

e. 2.

[illegible]

ой силой. Любовь к мужикам — единственный ресурс, единственный источник новой жизни. Иначе-бы во нас жила внутренняя потребность к труду, может быть и приносила бы себя званіем какой-нибудь арестантской работы... Но для этого бы одной надобности. Я хочу работать только для того, чтобы привлечь к себѣ любимую женщину». Прозвучав эти слова героя романа, г. Коростов приговариваетъ отъ себя: «Въ этихъ словахъ все разъяснено не только поведениемъ Навошеского на романѣ, но только всей его предшествующей и послѣдующей жизнью... но жизнь всѣхъ Навошескихъ поодино. Рассуждая ко всему на себѣ, отступленіе всѣхъ убѣжденій, всѣхъ интересовъ, какой-либо связи и со своими народомъ, и съ религіей, и съ наукой, и съ искусствомъ, — сводились ко всему на себѣ, а радостъ съ этихъ одно, что занимаетъ всѣхъ этихъ жалкихъ героев, что исполняется въ жизни, — вѣчная любовь, та исторія, т. е. опять та же вѣчная завязка собой лишь въ другихъ лицѣ. Немудрено, что и въ этихъ романтическихъ исторіяхъ такіе герои постепенно теряютъ до глупости, до преступленій, то ошибки, а чаще всего просто наступаютъ. И если уже давно наши герои подобнаго типа когда увидятъ, какую потрясающую роль они играютъ въ силуетѣ, предопределеніи или авторитетѣ «Русская женщина на свиданіи», то почему въ портретахъ, живописаніяхъ. Самихъ, вѣдь, им видны уже не русскія, но общечеловѣчески черты, а въ портретахъ этотъ поразительный свои ужасный, печальный сходство со всими, что им видны — слышавъ теперь повсюду, а возмужа заслуга писателя, который показалъ намъ нашу страшную болѣзнь, лишившую новое поколѣніе всякой связи, всякой энергіи и всякаго значенія въ общечеловѣческомъ мірѣ».

Возвращаясь к г. Потанинко, чтобы заключить мое обзрение. (статья г. Карпенко объясняет мое отношение к г. Потанинко). Чехову я сейчас вообще никак не подхожу. Благотрастие, подучившись божье или по-моему. Правда, Сенинчик — перекладывал талант, и его перу несправедливо приписать ко всем вообще благотрастиям, даже из кружков. Но, указывая на Сенинчика, я только указываю на то положительное качество, которые критики вправе требовать от всякого писателя. Искусство только тогда и есть искусство, когда оно дает светлую жизнь, а добросовестно, даже и христианство, нас не удивит и не знает: торжествует, — она знает не зная.

С.-Петербург.

В. Чудино.